

* * *

Никто не знает имён этих серых трав,
имён солдат, их выкормивших собой.
Тут смерть бесновалась между соборных глав,
Здесь ад был – в маленьком городе под Москвой.

Пугая птиц, оробевших на берегах,
хрипел и рывкал бешеный миномёт,
и каждый солдат, затыкая за пояс страх,
шептал, что он ни в коем случае не умрёт,

домой полетит треугольник, а не квадрат,
и враг подавится волжской водой и льдом.
Но спал на брате окаменелый брат,
шепча о памяти вечной кровавым ртом.

Но памяти нет, а мёртвые не умрут.
Стоит стережёт застывший в снегу пустырь
храм, артиллерией вбитый по горло в грунт,
как безымянный каменный богатырь.

* * *

Где-то в ржевской земле он лежит,
мой ненайденный прадед,
где сомкнулись леса над домами пустых
деревень.

Престарелая яблоня в землю выросла в палисаде,
как старуха, которая стала сама себе тень,
как бабуля моя.

Поджидала погибшего папку
худосочная девочка послевоенной поры.
«Ну куда ты, застудишься? Нет его!

На тебе шапку...»

Не хотела, не слушала, плакала горько,
навзрыд
и бежала, бежала туда, за околицу, дальше.
В позапрошлом году она в семьдесят три
умерла,
а деревня её умерла незаметней и раньше.

21

Салютуют беззвучно четыре печные ствола
в невеселое небо над маленьким городом
Ржевом,
горизонт трассировкой рассвета навывлет
прошит.
Где-то в этом суглинке, где было кровавое
жерло,
мой ненайденный прадед, меня уберёгший,
лежит.

* * *

16 декабря 2016 года –
75 лет со дня освобождения Калинина (Твери)

На мёрзлом, белом – чёрным линии.
Не спи, не думай, не гори.
Освобождение Калинина –
бывалой, будущей Твери.

Боялись танков: гады, бесятся!
В снегу лежали без земли.
Два долгих месяца, два месяца –
и вот – касатики, пришли!

Входили бравыми и правыми.
«Отстроим город, мать, не плачь!»
Дома смотрели глаз провалами,
как восвояси брёл палач.

Как жить без памяти, без жалости,
без будущего, без страны?
Не оставляйте нас, пожалуйста!
Вы снова, кажется, нужны.

ЧУДОВИЩНОЕ

В победное утро не ждём беды,
с экранов поют и врут.
Никто уж не помнит – ни я, ни ты,
как юнкерсы небо рвут,

как пули месят плоть, как болит
оторванная рука,
как воет кровавая соль земли
из каждого ручейка.

Как сыновья безымянных отцов –
не старше, чем вы сейчас,
мальчишки, без гаджетов и усов,
ломали себя за вас

о годы, о тьмущую тьму врагов,
о смерти своих друзей –
чтоб вы рифмовали любовь и кровь,
ходили раз в год в музей,

чтоб мёртвый никто не лежал босым
(живым-то зима лютей),
чтоб нищий старик в орденах был сыт
подачками от властей.

Он скажет: «Не пойте про ту войну,
вы не были там ни дня.
Я жизнь свою отдал за ту страну,
а эта – убила меня».

Три фонаря, один из которых горит,
на двух других вешали партизан.
Здесьние ветры режут острее бритвы,
вынуждая воду скорей покидать глаза,

выливаться в Волгу для осторожных рыб
и оттуда волком смотреть на господний мир,
где острожный холод, скрип каторжанских
дыб,
колесованный голос колёсных лир.

Сто один километр, отсчитанный
от Москвы,
на окопе окоп – основами для могил.
Срама не было мёртвым, он весь перешёл
к живым,
и никто из них до сих пор его не избыл,

не избёг его, потому что по кругу бег.
Древо раздора плодов не бросает зря.
Пешка съест короля, в избе заживёт узбек.
Никаких аптек. Ночь, Волга, три фонаря.

* * *

Ржев – роспись белого фарфора,
легка художника рука.
Висят над памятью собора
сиреневые облака.
Взвоз в обрамлении чугунном,
мосты, меж ними ледостав.
Звонит мороз по лёгким струнам
сухих и безымянных трав.
Никто не думает о смерти,
на ветках снега бахроме.
А в том проклятом сорок третьем
была такая же зима.

